

П.П. Инфантьев

Чувашская свадьба

Жизнь народов России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.П. Инфантьев**
Чувашская свадьба: Жизнь народов России / П.П. Инфантьев – М.: Книга по Требованию, 2019. – 42 с.

ISBN 978-5-458-09814-4

Рассказ из жизни чуваш. Чуваши, очерк. С 6 рисунками. Санкт-Петербург : издание книжного магазина П.В. Луковникова, 1912.

ISBN 978-5-458-09814-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

перъ, вслѣдствіе злоупотребленій имъ со стороны русскихъ, старавшихся извлекать изъ досовъ свои выгоды, уже почти вывелся и сохранился только у самыхъ удаленныхъ отъ русской цивилизаціи чувашъ.

II.

Въ одной изъ наиболѣе зажиточныхъ чувашскихъ семей, у степеннаго Василя Ивановича, какъ его всѣ называли въ деревнѣ, шло спѣшное приготовленіе къ встрѣчѣ праздника чукленья. Вотъ уже нѣсколько дней вся семья была въ хлопотахъ, готовя разныя угощенія для приглашенныхъ родныхъ и досовъ. Женщины варили изъ новаго солода и хмеля пиво, пекли изъ новой муки хлѣбъ, готовили изъ новой крупы яшку и проч. Самъ Василій Ивановичъ съѣздилъ даже въ городъ и привезъ цѣлое ведро водки для угощенія гостей.

Семья у Василя Ивановича была большая и состояла изъ восьми душъ: его самого съ женой, женатаго сына Касьяна, или, по-чувашски, Казюшки, у котораго былъ уже семилѣтній сынишка Юшка (Юна), дочери Кулингге (Акулины), дѣвушки 24 лѣтъ, и второй дочери Анны, 16-лѣтней дѣвушки. Кромѣ того, у него была еще престарѣлая мать Подене.

Наканунѣ праздника вечеромъ семья сидѣла за ужиномъ.

— Ну, кажись, у насъ теперь все приготовлено, — сказала Палань, жена Василя Ивановича.

— Все-то все, да только теперь постъ, а яшка у насъ сварена съ мясомъ. Какъ бы бачько опять не узналъ, что мы ѣдимъ въ постъ скромное, — замѣтила невѣстка.

— Не узнаеть, — съ увѣренностью отвѣтила бабка. — Мнѣ теперь доподлинно извѣстно, кто бачкѣ на насъ доносилъ.

— А кто же? — съ удивленіемъ спросилъ Василій.

— Кто? А кудесра-тора *). Не даромъ вѣдь бачько велить ставить ее въ каждомъ домѣ въ переднемъ углу. Ну, да теперъ она не увидить.

Василій Ивановичъ и всѣ его семейные опасливо покосились на стоящую въ переднемъ углу икону, которая ока-

Чуваши.

залась перевернутою предусмотрительной бабкой ликомъ къ стѣнѣ.

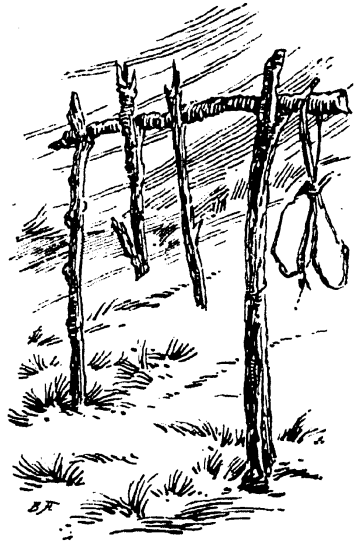
Священникъ былъ однажды съ требой у Василя Ивановича въ постный день и, по запаху догадавшись, что семья ѣла скоромное, пожурилъ его за это. Не понимая, откуда могъ узнать священникъ, что дѣлается у нихъ въ домѣ, старая Подене вывела заключеніе, что икона нахо-

*) Буквально—богъ угла.

дится въ какомъ-то таинственномъ общеніи съ бачькой и передаетъ ему все.

— А вѣдь это правда. Какъ же мы раньше-то не догадывались? Вѣдь, впрямь, кто же могъ, кромѣ кудесраторы, передать бачькѣ, что мы ѣдимъ скоромное?—сообразилъ и Василій.

Бабушка Подене была уже древняя старуха и во всей семьѣ наиболѣе приверженная къ старой, отцовской вѣрѣ. Крещена она была еще въ молодости, но христіанская религія ей была мало понятна. Правда, она не чуждалась христіанскихъ святыхъ, которыхъ считала одаренными тѣми же свойствами, что и чувашскіе боги, но въ то же время среди своихъ однопороденцевъ она слыла хранительницей древнихъ языческихъ обрядовъ и наперечетъ знала всѣхъ прежнихъ боговъ. У чувашъ она исправляла на нѣкоторыхъ общественныхъ моленіяхъ даже роль іомси (жреца). Считая себя поэтому не менѣе освѣдомленной въ области православной религіи и религіозныхъ обрядовъ, чѣмъ священникъ, она относилась къ послѣднему довольно скептически.

Мѣсто для жертвоприношеній у чувашъ.

— Я слышала, мужики сказывали, будто бачько не велитъ приносить жертвы богамъ, — замѣтила опять невѣстка.

— Да послушать бачьку, такъ по-его выходить, что и чукленья праздновать не слѣдуетъ, — съ сердцемъ возразила старуха. — Онъ знаетъ только своихъ русскихъ боговъ, а о тѣхъ, которымъ кланялись наши отцы и дѣды, онъ даже самъ никогда не слыхиваль. Охъ, ужъ мнѣ эти новые мо-

лодые попы! Когда они появились, вмѣсто нашихъ старыхъ іомсей, все стало хуже, и народъ сталъ жить бѣднѣе, потому что началъ отвращать отъ чувашъ лицо свое Сюльди-Тора *). Если бы бачько училъ въ церкви, какъ надо кланяться чувашскимъ богамъ, такъ не то у насъ бы и было...

И долго еще ворчала старая Подене на новыхъ русскихъ православныхъ священниковъ, не желавшихъ почтительно относиться къ прежнимъ чувашскимъ богамъ.

III.

На слѣдующій день всѣ приготовленные яства и напитки были разставлены въ просторной избѣ на большомъ столѣ, посреди котораго въ первую голову возвышался очень почтенной величины пызыкъ лянггысъ, т.-е. кадка съ пивомъ. Къ полудню уже изба была полна родственниками и досами хозяина, пришедшими каждый со своимъ ковшомъ. Ждали только прибытія приглашеннаго на этотъ случай стараго іомси, который долженъ былъ заправлять церемонію праздника.

Но вотъ наконецъ явился и онъ. Поставивъ всѣхъ присутствовавшихъ въ домѣ чувашъ строемъ передъ растворенною дверью, выходящею на востокъ, іомся взялъ со стола каравай хлѣба и, держа его въ правой рукѣ, а въ лѣвой подъ мышкой—свою шапку, началъ читать благодарственную Сюльди-Торѣ молитву за урожай и просить его, чтобы онъ и на будущій годъ благословилъ труды молящихся обиліемъ, умножилъ ихъ скотъ, ниспослалъ имъ вовремя и въ мѣру дождь и даровалъ бѣдному своему народу миръ и тишину.

— Помилуй и не оставь! — повторяли за нимъ молящіеся.

*) Богъ добра и свѣта.

Затѣмъ іомся, трижды осѣнивъ избу хлѣбомъ, разрѣзаль его на куски и роздалъ всѣмъ присутствовавшимъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ одну половину кусочка съѣсть, а другую бросить на печь, въ даръ домовому Ий-о.

Послѣ этого іомся взялъ кусокъ сыру, прочиталь надъ нимъ точно такую же молитву и точно такъ же раздѣлилъ его между молящимися, которые одну половину съѣли, а другую побросали на печь. Та же исторія повторилась затѣмъ и съ другими кушаньями, а наконецъ и съ кашей, розданной каждому по ложкѣ, но кашу уже не бросали на печь, а ѣли всю.

Наконецъ іомся зачерпнулъ своимъ ковшомъ изъ кадки пива, его примѣру послѣдовали всѣ остальные, и съ наполненными ковшами снова всѣ выстроились лицомъ на востокъ, къ раскрытой двери. Іомся снова, какъ и при молитвѣ надъ хлѣбами, провозгласилъ благодарность Сюльди-Торѣ.

— Помилуй и не оставь! — промолвили опять молящіеся, и, по примѣру іомси, каждый, отливъ немного изъ своего освященнаго такимъ образомъ ковша въ лянгысь, съ восклицаніемъ: „во имя Сюльди-Торы!“ — выпилъ остатокъ изъ ковша.

Снова іомся зачерпнулъ изъ кадки въ свой ковшъ, и снова его примѣру послѣдовали молящіеся. На этотъ разъ іомся провозгласилъ молитву матери боговъ, и опять всѣ выпили по ковшу съ тѣми же церемоніями. Выпили затѣмъ во имя бога, творца міра, по ковшу; во имя бога, творца душъ, во имя бога солнца, во имя богини солнца, во имя бога мѣсяца, бога грома и молніи, бога изобилія, бога земли, бога водяного, лѣснаго, домового, бога домашняго скота, бога дорогъ и проч., и проч., и проч. Затѣмъ послѣдовали обращенія съ молитвами къ разнымъ кереметямъ: къ большой, малой, средней, серебряной, злой и проч. И во имя cadaго изъ этихъ боговъ и кереметей каждый молящійся обязательно долженъ былъ выпить, чтобы никого изъ нихъ не обидѣть, тѣмъ болѣе, что чуваша пили въ полной увѣренности, что пьютъ это не они сами, а тѣ боги и

керемети, къ которымъ обращена молитва; поэтому прежде, чѣмъ сдѣлать поклонъ провозглашенному юмсей богу, каждый поднималъ свой ковшъ съ пивомъ, какъ бы кого-то угощая, и шепталъ при этомъ: „это такому-то богу!“.

Перебравши всѣхъ своихъ языческихъ боговъ, богинь и кереметей и выпивъ за каждого изъ нихъ по ковшу пива, молящіеся обратились къ православной иконѣ, передъ которой хозяинъ возжегъ восковую свѣчку, перевернувъ икону ликомъ уже къ присутствующимъ. И всѣ снова, уже пошатываясь, зачерпнули по ковшу пива, сотворили крестное знаменіе и стали съ тѣми же церемоніями кланяться иконѣ, а юмсея въ это время провозглашалъ:

- Русскій Богъ, спаси и помилуй!
- Матерь Божія, спаси и помилуй!
- Ангель Божій, спаси и помилуй!
- Богъ Николай, спаси и помилуй!

При этомъ за каждымъ возгласомъ слѣдовало новое питье. Мало-по-малу молящіеся такъ намолились, что еле держались на ногахъ.

По окончаніи всѣхъ этихъ церемоній, на сценѣ появился шыбырзе — музыкантъ съ волынкой, сдѣланной изъ бычьего пузыря со вставленными въ немъ птичьими косточками, и подъ ея игру начались пѣсни, пляски, словомъ, пошелъ пиръ горой, продолжавшійся до глубокой ночи.

А на слѣдующій день повторилось то же самое у другого домохозяина. И чуть не до самаго Рождества чувашки праздновали розговѣнье новымъ хлѣбомъ, ходя поочередно изъ двора во дворъ.

IV.

Во время этихъ празднествъ однажды Василій Ивановичъ былъ на чукленки у одного изъ своихъ досовъ. Тамъ же въ числѣ приглашенныхъ былъ одинъ чувашенинъ изъ

сосѣдной деревни—Михала. Когда уже всё подвыпили, Михала подошёл къ Василю Ивановичу и вступилъ съ нимъ въ бесѣду.

— А я давно, Василий Ивановичъ, собираюсь поговорить съ тобой по душамъ,—началъ Михала.

— Что же! Покалякаемъ. О чемъ ты хочешь со мной поговорить?—спросилъ Василий Ивановичъ.

— Да вотъ, какъ ты знаешь, у меня сынъ подростъ, а у тебя Кулингге давно уже на возрастѣ...

— Э, братъ Михала, я вѣдь свою Кулингге дешево не отдамъ,—персбилъ его Василий Ивановичъ, насторожившись:—она у меня въ семьѣ первая работница, лучше мужиковъ всякую работу править, и лишиться такой работницы все равно, что лишиться правой руки.

— Да вѣдь за калымомъ я не постою, — возразилъ Михала.—А когда-нибудь да надо же тебѣ ее будетъ выдавать.

— Она у меня еще молода, еще годковъ пять-шесть можетъ посидѣть въ дѣвкахъ; ну, а тамъ за женихами на хорошую хозяйку никогда дѣло не станетъ.

— Оно такъ-то такъ, а все-таки нехорошо дѣвку держать долго: она, пожалуй, и сама можетъ уйти, и тогда ты ничего за нее не получишь.

— Ну, моя Кулингге не уйдетъ: не изъ таковскихъ; она у меня послушная и смиренная.

— Да вѣдь и у меня женихъ не худой, за худого и свататься бы не сталъ. Говори, сколько ты хотѣлъ бы за нее взять?

— Меньше пятисотъ рублей ни за что не соглашусь,—отвѣтилъ Василий Ивановичъ.

Пятисотъ рублей—это была цѣна калыма неслыханная и равнялась полному отказу, да Василий Ивановичъ и дѣйствительно не намѣревался отпускать отъ себя Кулингге, хотя той шелъ уже 25-й годъ. Но чуваши вообще выдаютъ

своихъ дочерей замужъ очень поздно, и женихи почти всегда бываютъ моложе невѣсть.

— Шутить, что ли, Василій Ивановичъ, али вправду совсѣмъ не хочешь выдавать Кулингге, думаешь навсегда оставить ее въ дѣвкахъ?

— Ну, это понимай, какъ знаешь, а только меньше

пятисотъ не возьму и копейки не уступлю.

Какъ ни бился Михала съ Василюмъ Ивановичемъ, надавалъ даже двѣсти рублей, — деньги тоже не малыя, — но такъ и отошелъ ни съ чѣмъ.

Однако Михала не оставилъ своего намѣренія породниться съ Василюмъ Ивановичемъ. „Не хочетъ отдавать добромъ, такъ вѣдь можно попробовать взять Кулингге хитростью“, — думалъ онъ, раздосадованный неудачей.

Въ семьѣ у Михалы былъ всего только одинъ сынъ; двѣ старшихъ дочери были уже замужемъ и жили отдѣльно.

Понятно поэтому, что Михала давно уже съ нетерпѣнiемъ поджидаль, когда подрастетъ его Илюкъ, чтобы женить его и взять себѣ въ домъ хорошую работницу, и выборъ его остановился на Кулингге, о которой далеко шла слава, какъ о прекрасной хозяйкѣ. У чувашъ выбираютъ и сватаютъ женъ для своихъ сыновей обыкновенно отцы, или, за смертью ихъ, старшіе въ семьѣ мужчины, не спрашивая согласія

Чувашка.

самого жениха. Но на этотъ разъ намѣченная Михалой невѣста правилась и Илюку; онъ встрѣчался съ нею на деревенскихъ праздникахъ и на общественныхъ жертвоприношеніяхъ и во время игрищъ всегда отличалъ ее, хотя ни разу и не заводилъ съ нею рѣчи о сватовствѣ. Но онъ не могъ не видѣть, что и онъ самъ тоже ей нравится. Такимъ образомъ, сватовство было начато съ обоюднаго согласія отца съ сыномъ.

— Ничего, слышь, Илюкъ, не могъ подѣлать. Просить пятьсотъ рублей, а гдѣ ихъ взять?—объявилъ Михала своему сыну о результатѣ своего сватовства.

Илюкъ повѣсилъ носъ.

— Ну, да ты больно-то не горюй. Авось, еще не все пропало,—сталъ утѣшать его отецъ.

— Да вѣдь ты же говоришь, что ни копейки не хочешь сбавить?—переспросилъ Илюкъ.

— Ну, и пусть не сбавляетъ. А мы подговоримъ тетку Марью, она баба ловкая и, можетъ-быть, сумѣетъ уломать дѣвку выйти за тебя убѣгомъ.

— Вотъ это было бы хорошо!—оживился Илюкъ.

— Только теперь все равно свадьбу справлять и думать нечего; придется подождать до весны.

Тетка Марья была дальней родственницей Михалы и жила въ той же деревнѣ, гдѣ и невѣста. Она съ удовольствіемъ согласилась быть посредницей въ переговорахъ съ Кулингге и даже обнадежила, что сумѣетъ устроить это дѣло, какъ слѣдуетъ.

Зима миновала; наступила весна. Послѣ обычныхъ жертвоприношеній и моленій чуваша приступили къ посѣвамъ.

Однажды Марья, подкарауливъ Кулингге, когда та от правилась со своими подругами въ лѣсъ за ягодами, пошла слѣдомъ за нею и, постаравшись остаться съ нею наединѣ, осторожно начала наводить ее на разговоръ о женихахъ.

— Сколько тебѣ годковъ, Кулингге?—спросила она.

— Много, тетушка Марья: скоро 25 будетъ,—со вздохомъ отвѣтила дѣвушка.

— Ой, ой, ой, дѣвонька! И ты все еще не замужемъ?..

— А на что мнѣ мужъ? — конфузливо отвѣтила Кулингге.

— Какъ на что мужъ? Не всю же жизнь ты будешь сидѣть въ вѣковушкахъ.

Кулингге ничего не отвѣтила.

— Пора, дѣвка, давно пора выходить замужъ. Состарѣешься, кто тебя возьметъ?

— Проживу и одна, — сказала Кулингге.

— Одна? Нѣтъ, дѣвушка, трудно, ой, ой, трудно будетъ одной, безъ мужа прожить! Да неужто за тебя никто до сихъ поръ не посватался?

— Какъ не сватались?—задѣтая за живое, возразила Кулингге.—Сваталось ужъ много жениховъ, да батюшка не хочетъ выдавать, всёмъ отказываетъ.

Марья сокрушенно покачала головой.

— Это, дѣвка, вѣдь всегда старики такъ дѣлаютъ: они о себѣ только думаютъ, а про своихъ дочерей имъ и горя мало. Ты думаешь, почему онъ тебя не хочетъ выдавать?

— А кто его знаетъ? Должно-быть, жалко со мной расставаться, вотъ и не отдаетъ. Крѣпко вѣдь онъ меня любить.

— Ну, милая, не ошибись. Можетъ-быть, тебя онъ и крѣпко любить, а все-таки себя-то и свое добро любить больше.

— Почему ты такъ худо судишь о батюшкѣ?—съ недоумѣніемъ спросила Кулингге.

— Да чего тутъ судить-то? Всѣ мы—люди грѣшныя, всѣ думаемъ только о себѣ. Не хочетъ онъ съ тобою расстаться только потому, что жаль ему лишиться твоихъ рабочихъ рукъ. Всѣ вѣдь знаютъ, что руки у тебя золотыя. А того и не подумаетъ, что когда ты состаришься, а роди-